Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 58
Warszawa 2023
Article No. 3068

Citation:
Руденка, А. (2023). Язык захватнических войн – пример социолингвистического исследования. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *58*, Article 3068. https://doi.org/10.11649/sfps.3068

Rudenka, A. (2023). IAzyk zakhvatnicheskikh voĭn – primer sotsiolingvisticheskogo issledovaniia. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *58*, Article 3068. https://doi.org/10.11649/sfps.3068

DOI: 10.11649/sfps.3068

Алена Руденка
(Институт славистики Польской академии наук, Варшава)

Язык захватнических войн – пример социолингвистического исследования

Рецензия на книгу: Зинкевич Андрей, *Язык и война. Оккупационная языковая политика в Славии во время Второй мировой войны*. Brno: Tribun EU, Brno 2021. 599 ss.

Книга Андрея Зинкевича (Зинкевич, 2021), PhD, ассистента профессора Института славистики Венского университета, вышла из печати два года назад. Однако это было «еще до войны»; сегодня и реальность другая, и сама эта книга была бы другой. Сегодняшняя тяжелая, ошеломляющая действительность («как такое может быть?») заставляет возвращаться к монографии в поисках ответов на «трудные» вопросы и новых интерпретаций известных событий. Актуальность книги именно в том, что с началом войны в Украине она прочитывается по-другому.

В монографии 600 страниц, вторая половина – это справочные материалы и приложения. Как известно, богатый, детальный и прозрачный справочный аппарат свидетельствует о качестве проведенного исследо-

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.en), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2023.
Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk]

вания. Есть также раздел Некоторые термины, использующиеся в книге, Указатель имен, а также Список литературы, включающий Архивные источники, Периодические источники, Интернет-источники (Зинкевич, 2021, сс. 443–444, 459–464, 445–458).

Огромную ценность книги представляют приложения. Это разнообразные документы, касающиеся оккупационной языковой политики во время Первой и Второй мировых войн. Почти все они были переведены автором с немецкого языка, что является самостоятельным результатом работы. Собранные вместе во время архивных разысканий, эти документы представляют собой целостную платформу исследования языковой политики в оккупации. В подразделе «Источники сведений об оккупационной языковой политике» (Зинкевич, 2021, сс. 23–26) перечислены архивы, ресурсами которых воспользовался автор. Основными стали: Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) (г. Минск); Национальный архив Чешской республики (Národní archiv) (NA) (г. Прага); Бундесархив Берлин-Лихтерфельде (Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde) (Barch) (г. Берлин), а также Национальный исторический архив Беларуси (НГАБ) (г. Минск); Российский государственный военный архив (РГВА) (г. Москва); Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) (г. Москва); Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ) (г. Петрозаводск); Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) (г. Москва); Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) (г. Москва) и др. Список архивов не позволяет усомниться в логике и выводах автора. Кроме оригинальных документов, д-р Зинкевич использовал уже изданные архивные материалы, например: «Документы немецкой внешней политики», «Документы рейхсканцелярии» (2005, 2008, 2012, 2015, 2018), «Документы международного военного суда в Нюрнберге»; документы об образовательной политике в Польше во время оккупации; немецкие административные постановления в Чехии, материалы по изучению гитлеровских преступлений в Польше и др. (Зинкевич, 2021, с. 23).

К сожалению, в оглавлении книги не указаны названия приложений. Приложение 1 «Избранные документы, посвященные оккупационной языковой политике во время Второй мировой войны» самое большое – 76 документов (Зинкевич, 2021, сс. 469–547). В приложении переведен и опубликован ряд интереснейших документов (меня, конечно, в первую очередь интересовали материалы, касающиеся Беларуси и Украины),

например, о введении латиницы для беларусского (документ № 12, Зинкевич, 2021, с. 483) и украинского языков.

В немецких документах времен Второй мировой войны вопросы языковой политики разработаны очень тщательно. Остается только удивляться, насколько детально прорабатывались все ее аспекты. Вот выдержки из документа № 11 «Языковое регулирование» о названиях наций, этносов и народностей завоеванных территорий:

> В своей основе для всех районов бывшего Советского Союза должны применяться только такие этнические и географические наименования, которые отражают традиции народа и тем самым соответствуют немецкой концепции (Зинкевич, 2021, с. 482). <…>
>
> Понятие «татары» – русское (московитское) уничижительное собирательное наименование для волго-, крым- и азербайджанских тюрков, поэтому его следует избегать и заменять понятиями «идельуральцы» = «волгауральцы» (Idel-, Wolga-Uraler), «крым-тюрки» и «азербайджанцы» (Зинкевич, 2021, с. 483). <…>
>
> Топонимы балтийского региона и других в прошлом немецких (варяжских) регионов на востоке получат старые немецкие (варяжские) наименования, т.е. Рига, Реваль, Дорпат, Либау, Митау, Дюнабург, Голдинген, Кауен, Плескау и т. д.
>
> О наименованиях не упомянутых здесь топонимов и не названных народов, а также территорий бывшего советского пространства выйдет особый указ о языковом урегулировании (Зинкевич, 2021, с. 483).

Нельзя не согласиться с автором в том, что языковая политика в значительной степени реализуется через политику образовательную. Оккупанты хорошо это понимали. В силу этого в первом приложении немало материалов, посвященных именно школам, училищам – образованию в целом. В связи со сказанным выше нельзя не привести фрагмент из Документа 7 «Год немецкой гражданской администрации в Беларуси»:

> Когда религиозная и церковная жизнь проснулись от застоя, вызванного большевистским террором, оказалось, что много жителей принадлежит белоруской автокефальной православной церкви. … Также и здесь, в области культа, важен лозунг: «Белорусы – не русские!» …
>
> То, что для нас белорусы представляют «государственный народ» – это естественно. Поэтому отдавалось и будет отдаваться далее безусловное преимущество белорусскому языку во всех школах края, как языку преподавания и коммуникации (здесь и далее разрядка моя – А.Р.). И российское, и польское национальные меньшинства должны подчиниться этому разумному принципу.
>
> Вильгельм Кубе, генеральный комиссар Беларуси.

И в этом документе, и во многих других, и в собственно авторском тексте монографии подчеркивается мысль о том, что сохранение и укрепление национального языка – мощный инструмент управления и манипуляции. Этническая идентичность – это то, на чем можно успешно играть и чем можно спекулировать.

Приложение 2 «Некоторые материалы прессы, посвященные оккупационной языковой политике» (Зинкевич, 2021, сс. 548–561) не менее интересно, но в другом отношении. По прочтении документов возникает твердая уверенность, что язык пропаганды везде одинаков и использует одни и те же приемы вне зависимости от идеологической платформы власти. Вот пример из Документа 2 «Возрождение Крыма»:

> Восстановительные работы во всех областях жизни.
>
> Вряд ли какой-то другой район России столько страдал от большевизма, как Крым… Когда 2 ноября 1941 г. немецкие войска вошли столицу Крыма – Симферополь, местное население впервые за 25 лет ига вздохнуло свободно. Крым начал возрождаться. …Народное просвещение нагоняет сейчас то, что находилось при большевиках под гнетом и запретом. Школьное образование охватывает уже целый полуостров. На известном курорте Ялта перед оккупацией полуострова не было ни одной школы; сейчас только в 22 деревнях этого района открыто 24 школы, из них 15 – для татарской молодежи. В портовом и табачном городе Феодосия уже организовано 5 начальных школ с 430 учащимися, 4 профшколы и одна средняя смешанная школа. … Также не забыты искусство и театр. В больших городах ремонтируются театры, … даются представления всех жанров на русском и татарском языках (Зинкевич, 2021, с. 549).

Если не знать, что эта статья была написана на немецком языке и опубликована в газете «Neues Wiener Tagblatt» (Nr. 12, 12 января 1943 г.), с определением места, времени и заказчика можно многократно ошибиться.

Приложение 3 – «Опубликованные документы по языковой политике». Материалы по политике денационализации местного населения в немецкой оккупационной зоне в Словении собраны вместе в Приложении 4 (Зинкевич, 2021, сс. 579–593). И, наконец, Приложение 5 – это «Документы периода Первой мировой войны» (Зинкевич, 2021, сс. 594–598). Наличие Приложения 5 в книге и включение этих документов в анализ расширяет исследовательскую базу и позволяет считать выводы автора применимыми не только по отношению к немецкой оккупации времен Второй мировой войны. Например, приведенные выше мысли о характере

пропаганды в оккупационной языковой политике вполне коррелируют с Документом 2 из Приложения 5:

Штаб-квартира, 16 января 1916 г.
Главнокомандующий армиями Ост
Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург

Секретно.

Обер Ост
Администрация
Отдел VIII, № 231.

Главная штаб-квартира, 16 января 1916 г.

<…>

1. Население почти везде стремится к образованию и рассматривает свое освобождение от русского господства, затормозившего его духовное развитие, как избавление от гнета. Это выгодное нам настроение не должно быть разрушено нашими действиями <…>

2. От любого вида германизации следует воздерживаться; с другой стороны, нужно выступать против любого угнетения национальных меньшинств (немцев, литовцев, белорусов). Предполагается с помощью организованного школьного образования привести различные народности с учетом их национальных особенностей к более высокому уровню религиозно-духовного образования, чтобы они были в состоянии выполнить свои обязанности перед Господом, правительством и соотечественниками…

Если структура образования (учебный план, тип занятий, учебные средства и т.п.) будет построена по немецкому образцу, то, не важно даже, какова будет дальнейшая политическая судьба государства, Германия получит от этого долговременную пользу…

Главнокомандующий армиями Ост
Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург
Ответственный генерал-лейтенант Людендорф

Вкус к архивному поиску, умение работать в архиве и собранная совокупность материалов по оккупационной языковой политике, на мой взгляд, не менее ценны и креативны, чем собственно исследование. Именно поэтому рецензия была начата со справочного аппарата и приложений.

Авторская часть монографии начинается с Введения, где рассматриваются теория и история проблемы («Оккупация и языковой вопрос в международном праве»), построение, цель и методика работы, а также включен уже упоминавшийся выше раздел «Источники сведений об оккупационной языковой политике».

В первом из названных подразделов автор указывает на неразработанность терминологического аппарата в области оккупационной языковой политики и недостаточную изученность проблемы в целом, например, в отношении языковых прав населения оккупированных территорий.

В подразделе «Структура, цель и методика работы» автор определяет цель работы:

> Целью работы является реконструкция континуума языковой политики в оккупированных славянских странах во время Второй мировой войны. Для этого необходимо проанализировать виды языковой политики на этих территориях, выделив основные компоненты в них, и сгруппировать их по типам (Зинкевич, 2021, с. 13).

В этом же разделе определены параметры такой типологии:

> 1. Отношение оккупационных властей к языку титульной нации (например, к польскому, украинскому, белорусскому языкам соответственно в оккупированной Польше, Украине, Беларуси). Этот самый показательный и существенный компонент языковой политики реализуется оккупационными властями в регулировании употребления этого языка в сфере делопроизводства, образования, книгоиздания, культуры; т.е. в общественной жизни, а иногда даже и в семейно-бытовой коммуникации.
> 2. Отношение к изучению местным населением языка новой метрополии (например, немецкого, итальянского, румынского, венгерского или болгарского на соответствующих оккупированных территориях). В тесной связи с этим компонентом языковой политики стоит вопрос изучения и использования языков оккупированных стран новыми властями.
> 3. Национально-языковая политика в отношении национальных меньшинств на оккупированной территории (например, гуралов в Польше, русских в Беларуси и т.д.). Этот компонент языковой политики реализуется в организации (или запрете) образования на языках меньшинств; в регулировании статуса этих языков по отношению к языку титульной нации; преференциям (или ограничениям) в преподавании иностранных языков представителям национальных меньшинств и т.д. (Зинкевич, 2021, сс. 19–20).

Чрезвычайно важны и для данной работы, и для исследований оккупационной языковой политики на территории Славии в целом выделенные автором оккупационные зоны с относительно единой языковой политикой. Д-р Зинкевич выделяет 26 таких зон и в соответствующих подразделах последовательно их характеризует.

Подраздел «Персоналии оккупационной языковой политики» посвящен трем ключевым фигурам в области формирования языковой доктрины на

занятых Германией территориях: Адольфу Гитлеру, Альфреду Розенбергу и специалисту по политической лингвистике Георгу Шмидта-Рору.

По мнению д-ра Зинкевича, у Адольфа Гитлера не было выработанной языковой политики на оккупированных территориях, а были только соображения и убеждения по разным поводам. На основании изученных документов автор книги суммирует эти взгляды (Зинкевич, 2021, сс. 34–35):

> Если обобщить те достаточно скудные высказывания А. Гитлера по языковым вопросам, которые удалось найти в документах и литературе, то языковая концепция руководителя Третьего рейха предстает в таком виде:

Взгляды А. Гитлера на некоторые языковые проблемы

Языковой вопрос	**Мнение А. Гитлера**
Язык и народ	Язык не является неизменной и постоянной характеристикой этноса, но для «своих» по крови носителей является выражением духа нации.
Германизация	•Не связана напрямую с языком и невозможна через освоение немецкого языка чуждыми народами; •сроки полной (языковой) германизации – «несколько поколений», до 200 лет.
Отношение к взаимодействию местных и «пришлых» языков	Не исключено появление нового языка при смешении языка народа-завоевателя и местных языков.
Шрифт	Готический шрифт препятствовал бы распространению немецкого языка в качестве европейского языка.
Русский язык	Возможно, будет некоторое время выполнять функцию регионального языка в бывшем СССР, поэтому желательно его изучение служащими оккупационной администрации.
Преподавание немецкого языка восточным славянам	Достаточно базовых знаний, позволяющих немцам осуществлять руководство оккупированными территориями.
Адаптированные заимствования в немецком языке	•Являются неотъемлемой частью немецкого языка; •излишний пуризм недопустим; •принудительные изменения в языке позволены только великим личностям (Шопенгауэр и т. д.).
Преподавание иностранных языков в школе	Сначала преподавание основ иностранного языка всем школьникам, а затем углубленное преподавание только тем, кто этого хочет.

Далее в книге последовательно рассматриваются отдельные зоны оккупации в зависимости от проводимой языковой политики. Анализ начинается с западнославянских стран. Наибольшее внимание уделено Польше (глава «Языковая политика в оккупированной Польше», Зин-

кевич, 2021, сс. 63–126): рассматриваются разные зоны в зависимости от проводимой языковой политики. Территория довоенной Польши была разделена оккупантами на две части: т.н. Генерал-губернаторство и аннексированные Третьим рейхом территории. В работе «реконструируется языковая политика в этих оккупационных зонах, а также на примере Верхней Силезии показывается тактика постепенной языковой ассимиляции и дифференцирования населения в регионах со смешанным (немецко-славянским) населением».

Во второй из глав об оккупированных территориях рассматривается Протекторат Богемии и Моравии (Зинкевич, 2021, сс. 127–214), где немецкий язык формально был признан равноправным с чешским. В конечном итоге это должно было привести к снижению статуса чешского языка до уровня диалекта. Глава о Богемии и Моравии – единственная, после которой есть вывод «Языковая политика в Протекторате: итоги». Автор монографии пишет, что протекторат имел особый статус, уникальный для Славии, и этот статус отражен в названии, приписанном данной территории оккупантами. Только в Протекторате Богемии и Моравии местному населению было разрешено – и даже настоятельно рекомендовано – изучать немецкий язык. В некоторых оккупированных странах была распространена жесткая инструкция не обучать местное население немецкому языку. Немецкий язык предназначался только для господствующей расы; местное население должно было говорить на своем языке / своих языках. Статус местных языков, их соотношение, изучение, преподавание, использование тщательно ранжировались и закреплялись документально.

Рейхскомиссариат Остланд состоял из захваченных северо-западных территорий СССР: Эстонии, Латвии, Литвы и Беларуси. Языковая политика оккупационных войск на этих землях также рассматривается подробно, с детальной характеристикой отдельных зон, прежде всего, с учетом названных выше параметров: отношение оккупационных властей к языку титульной нации; отношение к изучению местным населением языка новой метрополии; национально-языковая политика в отношении национальных меньшинств на оккупированной территории (Зинкевич, 2021, сс. 215–280). Равным образом в деталях описана языковая ситуация в Украине («Оккупационная языковая политика в Украине», Зинкевич, 2021, сс. 281–306) – об этом свидетельствует дробное разбиение на подразделы и вследствие этого очень информативное оглавление. Осо-

бое внимание уделено в монографии оккупационной языковой политике в отношении восточнославянских языков за пределами этнических территорий (например, беларусскому языку в Литве, Латвии, Украине или русскому языку в Беларуси). Таким образом, подразделы посвящены не только этносам и / или территориям, но и языкам, что, по моему мнению, только украшает лингвистическую работу.

В следующей главе также речь идет о языке – это «Русский язык на оккупированных территориях» (Зинкевич, 2021, сс. 307–328): проанализированы разные варианты языковой политики оккупантов по отношению к нему.

Дальнейшие главы менее объемны и детальны. Три из них посвящены конкретным территориям. «Карелия: финнизация по-советски и по-фински» (Зинкевич, 2021, сс. 329–342): речь здесь идет о советской оккупации финской Карелии в результате советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и затем о финской оккупации советской части Карелии в рамках Второй мировой войны. При этом обе стороны объявляли целью языковой политики финнизацию территории. «Языковая политика на территории Словении» (Зинкевич, 2021, сс. 343–360) – здесь представлено 4 вида оккупационной языковой политики. «Языковая оккупационная политика в Южной Славии» рассмотрена относительно коротко. Например, д-р Зинкевич пишет:

> Специфика болгарской языковой политики в Македонии состоит в том, что была предпринята попытка унификации некодифицированного еще македонского языка с болгарским литературным языком. Это напоминает попытки немецких и венгерских оккупационных властей трактовать некоторые славянские диалекты или микроязыки как славянизированные варианты немецкого или венгерского языков. Однако в случае с болгарским и македонским языком оккупация югославской Македонии послужила толчком к языковой дифференциации болгарского и македонского народов. Венгерская языковая политика в Подкарпатской Руси по поддержке русинского языка сопоставима с поддержкой белорусского языка немецкими оккупационными властями в период руководства В. Кубе (Зинкевич, 2021, с. 18).

Две оставшиеся главы посвящены языковой политике по отношению к немецкому языку и этническим немцам на завоеванных землях. Распространение немецкого языка проанализировано в главе «Преподавание немецкого языка местному населению на оккупированных территориях».

Ключевым конфликтом в контексте оккупационной языковой политики являлось противоречие между национал-социалистическим принципом нераспространения немецкого языка среди неарийских народов и необходимостью коммуникации с местным населением в ходе экономического взаимодействия с ним.

В главе «Языковая идентичность фольксдойче в оккупированной Славии» затронута языковая компетенция фольксдойче на оккупированных территориях. Автор заключает:

> …значительная миграция немецкого населения обусловила создание целого направления в языковой политике Германии в оккупированных странах – ренационализации фольксдойче, т.е. политику их возвращения в лоно немецкой нации через освоение немецкого языка и культуры (Зинкевич, 2021, с. 19).

Мне как читателю не хватало краткого обобщения после каждой главы. Однако автор иначе видит структуру книги: обобщение к главам по порядку дано в подразделе Введения «Структура, цель и методика работы».

В монографии очень богатое и креативное заключение (Зинкевич, 2021, сс. 409–442). Оно представляет собой творческий упорядоченный синтез и интерпретацию всего проделанного исследовательского труда. Фактически это самостоятельная и новаторская отдельная глава. Однако у д-ра Зинкевича свое видение архитектуры книги, и он, несомненно, имеет на это полное право.

Определив типы оккупационной языковой политики в каждой из выделенных зон и описав их, автор получил возможность выявить виды языковых стратегий на оккупированных территориях и конкретизировать три параметра языковой политики на оккупированных территориях, названных выше.

Виды языковой политики, описанные в работе, позволили автору говорить о двух основных языковых стратегиях оккупационных властей во время Второй мировой войны: стратегия национально-языковой дифференциации народов и стратегия гомогенизации языкового пространства. Первая из названных стратегий проявлялась в языковом разделении групп:

1. Местное население / немцы (Польша, Украина, Беларусь и др.);
2. Титульная нация / национальные меньшинства:

2.1. поддержка языка меньшинств (например, украинского, русского, кашубского и др. в Польше) при дискриминационной политике в отношении титульного языка;
2.2. сдерживание (непризнание) языка меньшинств при лоббировании языка титульной нации (политика белорусизации, сопровождаемая ограничениями в использовании польского и русского языков, в Генеральном комиссариате Беларусь);
2.3. дифференциация титульной нации и меньшинства при положительном отношении оккупационных властей к обоим (страны Балтии);

3. дифференциация национальных меньшинств между собой.

Автор пишет:

> Во время Второй мировой войны дифференциация меньшинств проводилась немецкими властями везде, где это было в ее интересах. Проявлялось это в организации отдельных классов или школ с соответствующим языком обучения, для каждого национального меньшинства, при этом часто действовало правило, согласно которому в школы с нетитульным языком обучения могут быть приняты дети только тех национальностей, на которых ведется преподавание в этой школе (в частности, такое положение действовало в прибалтийских странах). … Особенно показательным было разделение национальных меньшинств с близкородственными языками, например, восточнославянских меньшинств в Польше, Беларуси, Украине (Зинкевич, 2021, сс. 411–412).

4. *титульная нация* / *титульная нация*: «Необходимость такой дифференциации была очевидной в восточных районах Беларуси и Украины, где процесс русификации продолжался долгое время и национальное самосознание приобрело переходный характер, в котором нередко национальный язык не являлся обязательным признаком нации» (Зинкевич, 2021, с. 412). Это очень ценное замечание автора, которое адресует читателя к новой, особой социолингвистической области исследования – соотношение национального самосознания и национального языка, в частности применительно к Беларуси и восточным регионам Украины (что также является отдельной социолингвистической проблемой, см. Мечковская, 2003).

Говоря о стратегии национально-языковой дифференциации народов, автор делает вывод:

> Таким образом, целями национально-языковой дифференциации на оккупированных территориях были: 1. предотвращение смешения немецкого и не немецкого населения; 2. ослабление национально-языкового единства больших наций; 3. предотвращение конкуренции языка меньшинства с титульным языком; 4. нейтрализация регионального статуса языка бывшей метрополии (Зинкевич, 2021, сс. 412–413).

Вторая стратегия – гомогенизации языкового пространства – языковая политика, цель которой – одноязычная языковая ситуация в том или ином регионе, в случае оккупационной языковой политики во время Второй мировой войны, это: 1) онемечивание – такая языковая политика наиболее жестко проводилась в аннексированных районах, например, рейхсгау Данциг-Западная Пруссия и рейхсгау Вартеланд; 2) распространение титульного языка оккупированной территории (Беларусь, Украина и др.).

Что касается параметров, или компонентов, языковой политики на оккупированных территориях Славии (отношение к языку титульной нации, к распространению на оккупированной территории языка новой метрополии, к языкам национальных меньшинств), то изучение документов позволило автору выделить ряд подвидов этих параметров, которые были реализованы на оккупированных фашистами территориях во время Второй мировой войны:

1. Отношение к языку титульной нации:
   1.1. политика дискриминации титульного языка (Словения, Чехия, Румыния);
   1.2. рецессивная языковая политика, т. е. лишение местного языка большинства функций, кроме коммуникативной (польский язык в Польше);
   1.3. толерантная языковая политика, т. е. стремление сохранить довоенный статус-кво в отношении языковой ситуации на занятой территории (Черногория);
   1.4. политика лоббирования языка титульной нации (Беларусь);
   1.5. политика языковой ренационализации (ре-румынизация Бессарабии).

В книге д-ра Зинкевича компоненты языковой политики на оккупированных территориях Славии и конкретные примеры представлены

в сводных таблицах. Позволю себе привести без изменений такую таблицу касательно отношения к распространению на оккупированной территории языка новой метрополии:

Подвид оккупационной языковой политики	**Пример применения на оккупированной территории**
Жесткая языковая ассимиляция	Немецкая и венгерская оккупационные зоны в Словении (Верхняя Крайна и Нижняя Штирия, Прекомурье), румынская зона оккупации Украины (Бессарабия), Судетская область Чехии, аннексированные польские территории, Вардарская Македония и др.
Постепенная языковая ассимиляция	Протекторат Богемии и Моравии, Эстония, Латвия, Литва
Политика двуязычия	Итальянская оккупационная зона Словении (с последующей ее немецкой оккупацией)
Ограничение изучения языка метрополии	Зона ответственности военного командования в Беларуси, Украине и России; Рейхскомиссариат Украина и Генеральный округ Беларусь после декабря 1943 г. Польское Генерал-губернаторство, зоны Польши, включенные в Рейх
Запрет изучения немецкого языка	Рейхскомиссариат Украина и Генеральный округ Беларусь до декабря 1943 г.

(Зинкевич, 2021, с. 432).

Третий компонент языковой политики, рассматривавшийся в работе, – отношение оккупационных властей к языкам (диалектам) национальных меньшинств. Здесь наблюдались следующие виды языковой политики: 1) лоббирование (например, поддержка венгерскими оккупационными властями русинского языка); 2) сдерживание (ситуация с языками русского и польского меньшинств в Рейхскомиссариате Беларусь при гауляйтере В. Кубе); 3) непризнание или дискриминация языков или диалектов меньшинств на оккупированных территориях (например, на территориях Польши и Чехии по отношению к верхнесилезским и моравско-немецким диалектам; ситуация в Бессарабии и Вардарской Македонии, которые сопровождались ренационализацией и негативной политикой в отношении титульного языка).

В заключении к монографии отмечается также роль диалектов в оккупационной языковой политике (подраздел «Диалект как манипулятивная составляющая языковой политики», Зинкевич, 2021, сс. 437–438) и причины изменений языковой политики на той или иной оккупированной территории (подраздел «Динамичность видов языковой политики», Зинкевич, 2021, сс. 439–442). Итоги теоретического осмысления фактического материала приведены автором в таблице, что сразу делает теоретический результат по материалам Второй Мировой войны прозрачным и доступным для читателя:

Сочетания видов языковой политики в Славии

Отношение к языку титульной нации	**Распространение языка новой метрополии**	**Отношение к языкам национальных меньшинств**
Интенсивное вытеснение местного языка	Жесткая языковая ассимиляция	Лоббирование языков меньшинств, непризнание или дискриминация языков меньшинств
Постепенное вытеснение местного языка	Постепенная языковая ассимиляция	Лоббирование языков меньшинств, непризнание или дискриминация языков меньшинств
Рецессивная языковая политика	Постепенная языковая ассимиляция, политика двуязычия, ограничение изучения языка метрополии	Лоббирование языков меньшинств, непризнание или дискриминация языков меньшинств
Толерантная языковая политика	Политика двуязычия, ограничение или запрет изучения языка метрополии	Лоббирование языков меньшинств, сдерживающая языковая политика
Лоббирование языка титульной нации	Политика двуязычия, ограничение или запрет изучения языка метрополии	Сдерживающая языковая политика
Языковая ренационализация	Жесткая языковая ассимиляция	Непризнание или дискриминация языков меньшинств

(Зинкевич, 2021, сс. 424–425).

Равным образом в табличном виде представлен итог характеризации языковой политики в исследованных оккупированных зонах во время Второй мировой войны:

Виды языковой политики в оккупационных зонах

Оккупационные зоны	**Отношение к языку титульной нации**	**Распространение языка новой метрополии**	**Отношение к языкам меньшинств**
Польские аннексированные территории	Интенсивное вытеснение местного языка, рецессивная языковая политика	Жесткая языковая ассимиляция, ограничение изучения языка	Лоббирование или непризнание языков меньшинств
Генерал-губернаторство	Рецессивная языковая политика	Постепенная языковая ассимиляция, ограничение или запрет изучения языка	Лоббирование языков меньшинств
Протекторат Богемии и Моравии	Рецессивная языковая политика, постепенное вытеснение местного языка	Постепенная языковая ассимиляция	Непризнание или лоббирование языков меньшинств
Прибалтийские страны	Постепенное вытеснение местного языка (в перспективе), толерантная языковая политика	Постепенная языковая ассимиляция	Лоббирование языков меньшинств, сдерживающая языковая политика
Генеральный округ Беларусь	Лоббирования языка титульной нации (В. Кубе), толерантная политика (К. фон Готтлиб)	Ограничение изучения немецкого языка	Сдерживающая языковая политика (В. Кубе)
Рейхскомиссариат Украина	Лоббирования языка титульной нации	Запрет или ограничение изучения немецкого языка	Сдерживающая языковая политика непризнание языков меньшинств
Словения: немецкая и венгерская зоны	Интенсивное вытеснение местного языка	Жесткая языковая ассимиляция	-
Словения: итальянская зона	Лоббирования языка титульной нации, толерантная языковая политика	Политика двуязычия	-

(Зинкевич, 2021, сс. 441–442).

При знакомстве с книгой становится очевидным, что восточным славянам и восточнославянским языкам уделяется больше внимания, чем южным славянам, а территории современной Польши, Чехии и Словакии описаны как детальные хрестоматийные образцы тех или иных типов оккупационной языковой политики. В стандартном случае каждый такой регион и каждый язык изучаются отдельно; в рецензируемой книге, напротив, дается сопоставительный социолингвистический анализ и пример контрастивного исследования языковой политики на материале многих языковых зон и конкретных языков.

Сам автор монографии отмечает:

> Собственно языковой политике оккупационных властей в славянских странах посвящены считанные работы: из изданий последних двадцати лет необходимо выделить первое аналитическое исследование по оккупационной языковой политике в Беларуси Анастасии Антиповой «Национал-социалистическая языковая политика в оккупированной Беларуси» (Antipova, 2018), а также монографию Дирка Шолтена «Политика национал-социалистической Германии по распространению немецкого языка» (Scholten, 2000, с. 409).

Автор оперирует достаточной библиографией, к ней можно добавить только коллективную монографию «Война и память в России, Украине и Беларуси» (Fedor и др., 2017). Эту монографию следовало бы добавить еще и потому, что, помимо переосмысления событий настоящего и прошлого, книга «Язык и война» восстанавливает историческую память. Исторической памятью, среди прочего, конституируется идентичность народа, об этом идет речь в академической монографии под редакцией Юрия Шаповала «Культура исторической памяти: европейский и украинский опыт» (Шаповал, 2013).

Монография доктора Зинкевича ценна тем, что, читая ее, можно многому научиться, а именно: выделение оккупационной языковой политики в особую исследовательскую область, структурирование этой области, оккупационная языковая политика Второй мировой войны как особая составляющая названной исследовательской области, факты этой политики и их анализ и др. И, как уже отмечалось в начале рецензии, сегодня эта книга особенно актуальна.

Библиография

Зинкевич, А. (2021). *Язык и война: Оккупационная языковая политика в Славии во время Второй мировой войны*. Tribun EU.

Мечковская, Н. Б. (2003). *Белорусский язык: Социолингвистические очерки*. Verlag Otto Sagner.

Шаповал, Ю. (Ред.). (2013). *Культура історичної пам'яті: Європейський та український досвід*. ІПІЕНД.

Antipova, A. (2018). *Die nationalsozialistische Sprachpolitik im besetzten Weißrussland 1941–1944*. Peter Lang. https://doi.org/10.3726/b14141

Fedor, J., Kangaspuro, M., Lassila, J., & Zhurzhenko, T. (Eds.). (2017). *War and memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8

Scholten, D. (2000). *Sprachverbreitungspolitik des nationalsozialistischen Deutschlands*. Lang.

Bibliography (Transliteration)

Antipova, A. (2018). *Die nationalsozialistische Sprachpolitik im besetzten Weißrussland 1941–1944*. Peter Lang. https://doi.org/10.3726/b14141

Fedor, J., Kangaspuro, M., Lassila, J., & Zhurzhenko, T. (Eds.). (2017). *War and memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8

Mechkovskaia, N. B. (2003). *Belorusskiĭ iazyk: Sotsiolingvisticheskie ocherki*. Verlag Otto Sagner.

Scholten, D. (2000). *Sprachverbreitungspolitik des nationalsozialistischen Deutschlands*. Lang.

Shapoval, IU. (Ed.). (2013). *Kul'tura istorichnoĭ pam'iati: IEvropeĭs'kyĭ ta ukraïns'kyĭ dosvid*. IPIEND.

Zinkevich, A. (2021). *IAzyk i voĭna: Okkupatsionnaia iazykovaia politika v Slavii vo vremia Vtoroĭ mirovoĭ voĭny*. Tribun EU.

The Language of Wars of Conquest – An Example of a Sociolinguistic Study

Review: Andreĭ Zinkevich, *IAzyk i voĭna: Okkupatsionnaia iazykovaia politika v Slavii vo vremia Vtoroĭ mirovoĭ voĭny*. Tribun EU, Brno 2021, 599 pp. ISBN: 978-80-263-1637-4

Summary

This article is a review of the book *IAzyk i voĭna: Okkupatsionnaia iazykovaia politika v Slavii vo vremia Vtoroĭ mirovoĭ voĭny* [Language and War: Language Policy in the Occupied Slavic Countries during World War II] (2021) by Andrei Zinkevich. The monograph under review is devoted to the reconstruction of the language policy in the occupied Slavic countries during the Second World War. Zinkevich defines the types of language policy in the countries under consideration and classifies their main features. His book is especially relevant today: since the beginning of the war in Ukraine, it has been read differently.

Język wojen zaborczych – przykładowe studium socjolingwistyczne

Recenzja: Андрей Зинкевич, *Язык и война: Оккупационная языковая политика в Славии во время Второй мировой войны*. Tribun EU, Brno 2021, 599 ss. ISBN: 978-80-263-1637-4

Streszczenie

Artykuł jest recenzją książki Andrieja Zinkiewicza *Язык и война: Оккупационная языковая политика в Славии во время Второй мировой войны* [Język i wojna: Okupacyjna polityka językowa w krajach słowiańskich w czasie II wojny światowej] (2021). Recenzowana monografia została poświę-

cona rekonstrukcji polityki językowej w okupowanych krajach słowiańskich w czasie II wojny światowej. Zinkiewicz definiuje typy okupacyjnej polityki językowej w omawianych krajach i klasyfikuje ich główne cechy. Recenzowana książka jest dziś szczególnie aktualna: od początku wojny w Ukrainie czyta się ją inaczej.

Keywords: occupation; language policy; metropolitan language; titular nation; national minority; linguistic assimilation; bilingualism

Słowa kluczowe: okupacja; polityka językowa; język metropolii (*metropolitan language*); naród tytularny (*titular nation*); asymilacja językowa; dwujęzyczność

Alena Rudenka, Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1165-3299
Correspondence: alena.rudenka@ispan.edu.pl

The preparation of this article was financed within the statutory activities of the Instiute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences.

Competing interests: The author has declared that she has no competing interests.

Publication history: Received: 2023-08-24; Accepted: 2023-10-17; Published: 2023-12-31